

Михаил СИДОРОВ

СУДЬБА СВЕРХЧЕЛОВЕКА

(К 175-летию со дня рождения

Ф. Ницше и 90-летию

братьев Стругацких¹)

...Г. А. сказал: «Ницше. Это был большой поэт.
Однако ему весьма не повезло с поклонниками.

*Братья Стругацкие. Отягощенные злом,
или Сорок лет спустя*

Сказав это, Георгий Анатольевич Носов будет во многом прав. Еще во время Первой мировой войны Н. А. Бердяев в своей статье «Ницше и современная Германия» (февраль 1915) отмечал, что «судьба Ницше после смерти еще более трагична и несчастна, чем при жизни». Из него уже тогда пытались сделать «отца» германского завоевательного милитаризма, для чего, казалось бы, имелись веские основания: «Ницше, — писал Бердяев, — проповедовал волю к власти, учил о сверхчеловеке, который должен стоять по ту сторону добра и зла и быть жестоким. Ницше восхвалял дух войны». Разве этого мало?! На это сам же Бердяев и отвечал: «На поверхности истории кажется, что великий человек, творческая индивидуальность порождает какое-нибудь массовое историческое явление. Но в глубине жизни, в подлинной действительности ничего подобного нет. Св. Франциск не творил францисканства, Лютер — лютеранства, Толстой — толстовства, Ницше — ницшеанства. И то, что на поверхности истории называют христианством, то никогда не творилось Иисусом Христом».

В целом можно было бы принять подобную «линию защиты» такого бесспорно выдающегося мыслителя, каким был Фридрих Ницше, если бы через три с половиной года, уже после Октябрьской революции, тот же Н. А. Бердяев не написал бы об упомянутом им ранее Л. Н. Толстом следующее: «Поистине Толстой имеет не меньшее значение для русской революции, чем Руссо имел для революции французской. Правда, насилие и кровопролития ужаснули бы Толстого... Но ведь и Руссо ужаснули бы

Михаил Михайлович Сидоров родился в 1949 году, кандидат исторических наук, доцент. Живет в Беэр-Шеве. Имеет более 120 публикаций — историко-публицистических статей по проблемам антисемитизма, советско-израильских отношений и др. в газетах и журналах России, Израиля, США и Германии («Нева», «Независимая газета», «22», «Слово» и др.). В 2015 году издал книгу «Антисемитизм истоков». В 2016 году номинировался на Бунинскую премию.

---

¹ А. Н. Стругацкий родился 28 августа 1925 года, Б. Н. Стругацкий — 15 апреля 1933 года. Борис Стругацкий: «Много лет назад мы развлекались, вычисляя „день рождения братьев Стругацких“, то есть дату, равноудаленную от 28 августа 1925 года и 15 апреля 1933 года... День рождения АБС есть, называется, 21 июня 1929 года — день летнего солнцестояния» (Б. Стругацкий. Комментарии к пройденному. СПб.: Амфора, 2003. С. 5). Фридрих Ницше родился 15 октября 1844 года.

деяния Робеспьера и революционный террор. Но Руссо так же несет ответственность за революцию французскую, как Толстой за революцию русскую. Я даже думаю, что учение Толстого было более разрушительным, чем учение Руссо. [...] Преодоление толстовства есть духовное оздоровление России...» (статья «Духи русской революции» в сборнике «Из глубины», 1918. Кстати, в этой же статье Бердяев замечает, что «мораль Ницше бесконечно выше, духовнее морали Толстого»). Как же быть с глубиной жизни и подлинной действительностью в этом случае?

Да и трагизм посмертной судьбы Ницше был усугублен позднее его нацистскими «поклонниками», чья «историческая практика» дала в руки критиков немецкого мыслителя «молот» потяжелее того, о котором говорил он сам, а до него — Мартин Лютер. И выходило, что Фридрих Ницше — «крайне реакционный немецкий философ-идеалист, откровенный апологет буржуазной эксплуатации и агрессии, прямой предшественник фашистских „идеологов“» («Краткий философский словарь». М., 1951). И уж если «ответственных» за революции в своих странах Руссо и Толстого, как писал Бердяев, ужаснули бы террор, насилие и кровопролития, то что говорить о Ницше! Он бы, наверное, вторично лишился разума, если бы узнал о том, что наделали в Европе его соотечественники, большинство из которых были людьми, которых он как радикальный аристократ глубоко и искренне презирал и которым взбрело в головы, затуманенные баварским пивом, что это именно они — те самые «свехчеловеки», которых воспевал ницшевский Заратустра.

«Сразу же признаем, что для нас всегда останется немислимым отождествление Ницше и Розенберга. Мы должны быть адвокатами Ницше», — эти слова Альбера Камю, пожалуй, отражают наиболее трезвый подход к вопросу о «вине» немецкого философа в нацистской бесовщине. Разве германский национал-социализм не вырос бы без Ницше, резко выступавшего против антисемитизма, власти государства и немецкого национализма? Автором «расовой теории» был вовсе не Ницше, и «Протоколы сионских мудрецов» были опубликованы уже после его смерти; философ не имел никакого отношения ни к немецким антисемитским партиям, появившимся в 70-е годы XIX века, ни к индустриальному подъему Германии, стимулировавшему агрессивность прусского милитаризма... Но «оправдательный приговор» не означает решения проблемы ответственности мыслителя за результаты его умственного труда. А Камю видел ответственность Ницше «в том, что, по высшим соображениям метода, он в расцвете своего дарования узаконил, пусть даже на мгновение, то право на бесчестье, о котором уже говорил Достоевский: можно быть уверенным в том, что если предоставить это право людям, они ринутся его осуществлять» («Бунтующий человек»). Понимал ли Ницше потенциальную опасность своей философии? Вторая часть «Заратустры» открывается фрагментом «Ребенок с зеркалом», который можно охарактеризовать как предчувствие: «Посмотрев в зеркало, я вскрикнул, и сердце мое содрогнулось: ибо не себя увидел я в нем, а рожу дьявола и язвительную усмешку его.

Поистине, слишком хорошо понимаю я значение снов и предостережение их: мое учение в опасности, сорная трава хочет называться пшеницею!

Мои враги стали сильны и исказили образ моего учения, так что мои возлюбленные должны стыдиться даров, что дал я им».

Профессор К. А. Свасьян, современный переводчик и комментатор Ф. Ницше, говоря о противоречивости его философии, характеризует ее как «самую неприкрытую, самую бесцеремонную и вызывающую противоречивость, какую только знала история европейской духовности». Причем противоречивость эта усугублялась еще и «маскарадом». Вот пример из «По ту сторону добра и зла»: «Все глубокое любит маску... Бывают события такого нежного свойства, что их полезно засыпать грубостью и делать

неузнаваемыми; бывают деяния любви и непомерного великодушия, после которых ничего не может быть лучше, как взять палку и отколотить очевидца: это омрачит его память» (фрагмент 40). Была охота у нацистских «поклонников» Ницше, сделавших его учение своим «знаменем», вникать в глубины мысли философа, разбираться в тонкостях чувств поэта! А «взять палку и отколотить» легче было и безо всяких деяний любви и великодушия. Потом палку заменил автомат...

Нельзя не сказать несколько слов о влиянии Ницше на русскую мысль. При этом уместно начать с того факта, что самого Ницше во многом буквально предугадал Ф. М. Достоевский. К. А. Свасьян по этому поводу высказался так: «Тема „Достоевский и Ницше“ еще с работ Мережковского и Шестова прочно вошла в тематический план ницшеведения; отмечены поразительные (до буквального совпадения) параллели у обоих писателей. Впечатление нередко таково, что в последних произведениях Ницше философствуют разные герои Достоевского, от Раскольникова до Ставрогина...» В самом же Ницше некоторые авторы находят черты Ивана Карамазова. Все это, конечно, не означает, что немецкий философ был эпигоном; он открыто признавал гений русского писателя, считая его непревзойденным психологом, у которого ему было чему поучиться. Оригинальность же идей самого Ницше не вызывает сомнений. Так, предложенное им в его раннем произведении «Рождение трагедии из духа музыки» противопоставление «дионисийского» и «аполлоновского» начал в искусстве широко обсуждалось в России в начале XX века и заняло свое место в культурологии; ему же принадлежит и первая разработанная психология мифических представлений (см.: Курт Хюбнер, «Истина мифа», 1996). Увлечение ницшеанством захватило многих русских символистов, в том числе Вяч. Иванова и Андрея Белого, писателей Л. Андреева, М. Горького, Д. Мережковского и других. В то же время с осторожностью, а иногда и негативно относились к Ницше философы С. Л. Франк и М. О. Гершензон, Лев Толстой. Владимир Соловьев в целом отрицательно отзывался об учении «сверхфилософа», но наряду с критикой заблуждений Ницше он также отметил и замечательные особенности его учения: «Различие между истиною и заблуждением, — отмечал Соловьев, — не имеет здесь для себя даже двух отдельных слов. Одно и то же слово совмещает в себе и ложь, и правду этой удивительной доктрины».

Н. Ф. Федоров давал двойственную оценку ницшевской идее сверхчеловека: «Сверхчеловечество может быть и величайшим пороком, и величайшей добродетелью. Оно безусловный порок сатанинского происхождения, когда состоит в превозношении одного или нескольких лиц над себе подобными...

Но сверхчеловечество есть и величайшая добродетель, когда оно состоит в исполнении естественного долга разумных существ в их совокупности, в обращении слепой, неразумной силы природы, стихийно рождающей и умертвляющей, в управляемую миром».

Ницше провозгласил себя «первым совершенным нигилистом Европы», и это была не простая похвальба, поскольку нигилизм означает то, что «высшие ценности теряют свою ценность», а «проект» немецкого философа заключался именно в переоценке всех ценностей. Но цель Ницше этим не ограничивалась: он хотел довести нигилизм до предела и тем самым «остановить» его. Насколько удалась эта затея?

Обратимся снова к Н. А. Бердяеву. Уже в 1946 году в своей книге «Русская идея» он подчеркивал: «Явление Ницше имеет огромное значение для судьбы человека. Он хотел пережить божественное, когда Бога нет, Бог убит, пережить экстаз, когда мир так низок, пережить подъем на высоту, когда мир плоский и нет вершин. Свою, в конце концов религиозную, тему он выразил в идее сверхчеловека, в котором человек прекращает свое существование. [...] Происходит разрыв с христианской и гуманистической моралью. Гуманизм переходит в антигуманизм».

Можно сказать, что достойные люди оценили Фридриха Ницше по достоинству, а вот с «поклонниками» ни самому философу и поэту, ни всему человечеству действительно не повезло.

* * *

Философско-этические изыскания Ф. Ницше осуществлялись в эпоху, когда набирал силу биологизм — разновидность редуccionизма, основанная на идее, что лишь с помощью «философии жизни», ориентирующейся на биологию и дарвинизм, можно прийти к подлинно научному мировоззрению.

Генрих Риккерт (1863—1936) в своей книге «Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени» (1920) показал, что все опирающиеся на эволюционный биологизм социально-политические направления, приветствуя естественный отбор и приспособление особей в человеческом обществе, находятся в непримиримой вражде между собой. Таких направлений Риккерт выделил четыре: индивидуалистически-демократическое (либерализм), социалистически-демократическое (марксизм), социал-аристократическое и, наконец, индивидуалистически-аристократическое, которое и представлял Фридрих Ницше. Г. Риккерт продемонстрировал, а история подтвердила, насколько взаимоисключающими могут быть жизненные идеалы, построенные на понятиях биологической науки.

В самом деле, читая Ницше, нельзя не заметить, как биологизм, дарвинизм «смотрит в окна» всех основных его концептов: воли к власти, вечного возвращения и тем более — сверхчеловека. Недаром О. Шпенглер называл Ницше учеником Дарвина, хотя и «бессознательным», а Н. Ф. Федоров писал: «Меня своих идолов, Ницше оставался верен Дарвину, хотя не сознавался в этом и даже считал Дарвина посредственностью». И правда, в «Сумерках идолов» есть фрагмент под названием «Анти-Дарвин», в котором говорится: «Что касается прославленной борьбы за *существование*, то она, однако, кажется скорее утверждением, нежели доказательством. Она встречается только в виде исключения. [...] Общий аспект жизни сводится не к нужде, не к голоду, но, напротив, к богатству, пышному изобию, почти что бессмысленной щедрости, — где идет борьба, там она идет за *власть*... Не следует смешивать Мальтуса с природой».

Была у Ницше причина относиться к Дарвину «свысока»! Эволюция — это бессцельное и бессмысленное развитие. Прогресс же, как отмечал С. Н. Булгаков, — это эволюция «телеологическая, в которой причинность и постепенное раскрытие цели этой эволюции совпадают до полного отождествления...» («Основные проблемы теории прогресса», 1902). Биологическая эволюция сама собою, даже путем «скачка», не в состоянии породить сверхчеловека; последний явится лишь как результат управляемого, целенаправленного развития. Ницше называл сверхчеловека существом другого вида: «Я пишу для человеческого рода, какого еще нет на свете: для „хозяев Земли“». И он, как замечает Малкольм Булл в своей книге «Анти-Ницше» (2015), выражался не метафорически: «Он надеялся, — поясняет оксфордский профессор, — что новый вид можно будет создать за счет селекционного разведения, и отмечал возможность международных племенных союзов, которые поставили бы себе задачу по выведению господствующей расы, будущих „хозяев Земли“». Налицо, таким образом, евгенический проект, который мечтали реализовать фюреры Третьего рейха. К слову, забегаю вперед, о мечтах и мечтателях. У Стругацких в «Отягощенных злом...» Сергей Корнеев наставляет пришедших к Демиургу с проектом «О лишении человечества страха» студентов — «юнца» и «юницу»: «Конечно же, мечтать надо. Надо мечтать. Но далеко не всем и отнюдь не каждому. Есть люди, которым мечтать прямо-таки противопоказано. В особенности — о мирах». Здесь один из героев и «авторов» романа имеет в виду

как раз окончившееся весьма плачевно посещение мира своей мечты доморощенным почитателем «святого Адольфа» Марекком Парасюхиным...

Каким же будет он, человек достаточно отдаленного будущего? Об этом задумывались и ученые, и писатели. Ницше устами своего Заратустры вещал: «Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором». Ф. М. Достоевский не хотел давать внешне эффектные «научные» или визионерские прогнозы. Тем не менее он был убежден, что человек должен «переродиться по законам природы окончательно в другую натуру.., которая не женится и не посягает». Да и сам Ницше за пределами своего «евангелия» («Так говорил Заратустра») предсказывал биологическую трансформацию человека и говорил, что сверхчеловеку нужно «новое тело».

Многие персонажи А. П. Чехова думали о том, какую станет будущая жизнь; в драме «Три сестры» подполковник Вершинин убежденно говорит: «Через двести, триста лет жизнь на земле будет прекрасной, изумительной». Не все, однако, разделяют подобный оптимизм артиллериста. Барон Тузенбах высказывает иное мнение: «Не то что через двести или триста, но и через миллион лет жизнь останется такую же, как и была; она не меняется, остается постоянною, следуя своим собственным законам, до которых вам нет дела или по крайней мере которых вы никогда не узнаете». Чеховские герои не спорят о том, как изменится сам человек будущего. Врач Астров в «Дяде Ване» ограничивается лишь общей, ставшей хрестоматийной сентенцией: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Зато в «Машине времени» Г. Уэллса нарисована ужасающая картина деградировавшего человечества, разделившегося на два подвида, каждый из которых по-своему страшен... В общем, люди любят пофантазировать на такую щекочущую нервы тему, как будущее вида хомо сапиенс. Тем более что в XX веке наука дала для этого немало поводов. И литература ими воспользовалась в достаточной мере.

Интересно, что и самого Ницше посещали мысли, которые мы теперь привычно относим к фантастике. В «Веселой науке» (фраг. 374) он пишет о желании человека «узнать, какие еще *могли бы* быть иные интеллекты и перспективы: например, способны ли какие-нибудь существа воспринимать время вспять или попеременно вперед и вспять (чем было бы дано иное направление жизни и иное понятие причины и следствия)». Кто читал «Понедельник начинается в субботу», сразу же поймет, что в этом фрагменте — зародыш идеи «контрамоции» — движения по времени в обратную сторону, которая так блестяще развернута Стругацкими на страницах «повести-сказки для научных работников младшего возраста». «Мозговой штурм», предпринятый молодыми сотрудниками НИИЧАВО, «объяснил» читателям не только судьбу директора института Януса Полуэктовича Невструева и его любимца попугая Фотона, но и смысл «Тунгусского дива». Разве можно после этого придумать что-нибудь еще более дерзкое и остроумное?! Попутно отметим: наши заметки не претендуют на раскрытие «влияния» Ницше на братьев Стругацких, которого, возможно, и вовсе не было (ведь если какой-то писатель употребил в своем романе слово «сверхчеловек», то это отнюдь не значит, что он находится под влиянием Ницше). Мы лишь попытались отыскать некоторые общие моменты, похожие темы, «параллели» в произведениях немецкого философа и великих фантастов, которые могут быть и простым совпадением идей.

Борис Стругацкий в своих «Комментариях к пройденному» писал: «Идея человечества, нечувствительно и постепенно порождающего внутри себя Человека Нового (хомо супер, хомо новус, хомо луденс), волновала и привлекала нас издавна, еще со времен „Гадких лебедей“, которые изначально как раз и задумывались как встреча пограничных войск Виктора Банева с первыми сверхчеловеками — мокрецами».

В написанных Стругацкими «Гадких лебедях» новый человек является в двух ипостасях: мокрецов и детей, находящихся под их влиянием. Мокрецы страдают незаразной генетической «очковой болезнью»; они живут за городом, в «лепрозории», за колючей проволокой и под вооруженной охраной, но имеют право выходить в город и общаться с детьми. Среди последних мокрецы пользуются непререкаемым авторитетом, искренней симпатией, любовью и уважением (чем не могут похвастать их родители). Из-за общения с мокрецами дети не по годам умны, в чем смог убедиться известный писатель Виктор Банев во время встречи в гимназии с десяти-четырнадцатилетними школьниками, своими вопросами и рассуждениями заведшими его в тупик.

«Пророк» Юл Голем, главный врач «лепрозория», рассказывает писателю о новых людях, которые живут уже как бы в будущем и которых считают больными: «Они умны, — проговорил он с нежностью. — Они чертовски умны — в отличие от большинства людей. Они все как на подбор талантливы, Виктор. У них странные желания и полнотью отсутствуют желания обыкновенные. [Помните: „не женится и не посягает“?]»

— Обыкновенные желания — это, например, женщины...

— В каком-то смысле — да.

— Водка, зрелища?

— Безусловно.

— Страшная болезнь, — сказал Виктор. — Не хочу...»

Можно ли упрекать Банева за это? Он симпатичный, умный и честный парень с чувством юмора, любит выпить, не пренебрегает женским обществом. Радикальная ломка образа жизни, психологии, физиологии и проч. — не для него. (К тому же он и не страдает «очковой болезнью») И все же разговор с Юлом Големом не оставил его равнодушным, натолкнул на раздумья: «А вообще интересно было бы себе представить, как в наши дни рождается хомо супер. Хороший сюжет... куда уж мне... Это вообще невозможно. Шимпанзе не может написать о людях. Как я могу написать роман о человеке, у которого никаких потребностей, кроме духовных?» Шимпанзе — это как будто прямо из «Заратустры»...

Но в повести Стругацких и в помине нет уничижительного отношения к человеку как таковому, а вот выпады в адрес «сверхчеловеков» встречаются. Так, подруга Виктора Диана объясняет писателю, почему ей не нравится санитарный инспектор Павор Сумман (оказавшийся агентом охраны): «Морда у него мерзкая... Белокурая бестия. Знаю я эту породу. Настоящие мужчины. Без чести, без совести, повелители дураков». И женское чутье не обмануло! Позднее, за выпивкой в мужской компании, Павор заговорил о «высоких материях», неся при этом «лютую банальщину», и предложил решение всех проблем человеческой цивилизации: уничтожить девяносто процентов населения Земли («В принципе Гитлер был прав...»).

«— Мельчите, Павор! — сказал в ответ на это Банев, которому санинспектор уже надоел. — И ведь всегда так с вами, со сверхчеловеками. Собираетесь перепахать мир, меньше чем на три миллиарда трупов не согласны, а тем временем то беспокоитесь о чинах, то от триппера лечитесь...» Разумеется, и «белокурая бестия», и «сверхчеловек» в контексте повести — прежде всего реминисценции событий недавнего прошлого («Гитлер был прав...»). Но, к сожалению, Павор мог бы тут апеллировать и к авторитету Ницше, фундаментальный элитизм которого привел философа к выводу о том, что «большинство людей не имеет права на существование» («Воля к власти»).

В дискуссиях иного калибра поднимаются другие вопросы. Тот же Юл Голем рассказывает: «Конечно, человек овладеет вселенной, но это будет не краснощекий богатырь с мышцами, и, конечно, человек справится с самим собой, но только сначала он изменит себя...» Изменения уже затронули мокрецов, и они коснулись не только их

духовных потребностей, как думал Виктор Банев. Во время встречи с одним из самых авторитетных мокрецов, философом и писателем Павлом Зурзмансором — бывшим мужем Дианы, Виктор узнает, что станет лауреатом литературной премии «лепрозория», вручать которую ему будут там же, в цитадели мокрецов...

« — Лечебный корпус, — повторил Виктор. — И кого же у вас там лечат?

— Людей, — сказал Зурзмансор со странной интонацией. Он усмехнулся, и вдруг что-то страшное произошло с его лицом. Правый глаз опустел и съехал к подбородку, рот стал треугольным, а левая щека вместе с ухом отделилась от черепа и повисла. Это длилось одно мгновение».

Мокрец на секунду теряет свой человеческий облик — случайно или нарочно. Старик гаттаухокамбомон в похожей ситуации тут же схватил большой никелированный револьвер и наставил его прямо на Льва Абалкина, у которого во время контакта с обитателями планеты Надежда при проведении операции «Мертвый мир» внезапно заработал неисправный мимикридный комбинезон, и он стал почти невидимым, так что старик принял его за Странника. А Странники, по слухам, вообще не имеют формы — как вода или пар («Жук в муравейнике»)...

Итак, овладение Вселенной — не дело краснощекого богатыря, это понимали и Достоевский, и Ницше, и Юл Голем. Но расстаться со столь доступным и привлекательным образом было нелегко, поэтому физические возможности обычных двадцатилетних ребят из Группы свободного поиска, живущих в XXII веке и прошедших еще в материнской утробе биоблокаду (она же — Токийская процедура, а точнее — фукамизация), с обыденной, комиксной точки зрения кажутся нам вполне «сверхчеловеческими». Один из них, Максим Каммерер, случайно оказавшийся на «неблагополучной» планете Саракш, проснувшись утром, мечтает: «Сейчас бы принять ионный душ... да выскочить нагишом в сад... где-нибудь под Гладбахом, на берегу серебристого Нирса, да пробежать вокруг озера километров пятнадцать во весь опор, во всю силу, да переплыть озеро, а потом минут двадцать походить по дну, чтобы поупражнять легкие, полазить среди скользких подводных валунов...» Позднее, когда прогрессор поневоле М. Каммерер окажется среди «террористов» — борцов против тирании, и на него заведут «дело», выяснится, что он, Мак Сим, получил четыре смертельных ранения, но выжил; что он видит в полной темноте, обладает очень чувствительным нюхом и вкусом, ориентируется по сторонам света без компаса, определяет время без часов, нечувствителен к высоким дозам радиации.

О том, что человек вида *homo sapiens sapiens* к середине XXII века достиг максимального технического могущества и вместе с тем предела своих физических и интеллектуальных возможностей, свидетельствует ряд «сигналов» в повестях Стругацких. Персонаж «Далекой Радуги» Камилл — существо вида «*homo sapiens sapiens...*», находящееся на «планете нуль-физиков», — был уже способен, по-видимому, взирать «сверху» на тот лабиринт науки и абстрактных философских категорий, по которому обычные люди бредут, видя только «стены». Талантливейший физик Этьен Ламондуа признается, что «рядом с Камиллом он чувствует себя глупым внуком умного деда». Через много лет после катастрофы на Радуге Камилл, последний из «Чертовой Дюжины», оказавшийся в полном одиночестве среди людей, покончил с собой...

Другой «сигнал» — трагедия в Арканаре, феодальном государстве, куда сотрудники Института экспериментальной истории пришли с целью «спрямления» нелегкого пути средневековья, осложненного еще и фашистскими тенденциями. Антон, он же Румата Эсторский, по сравнению с обитателями подопытной планеты — «сверхчеловек». Но руки его — связаны. Он, принимаемый за бога вечным бунтарем, главарем мятежников Аратой, не может, не имеет права помочь тому «молниями», чтобы уничтожить невежественную «золоченую сволочь», в то время как последняя занимается

не только грабежом простого народа, но и целенаправленным и безнаказанным истреблением «грамотеев»: ученых, врачей, поэтов и писателей — этого «дворянства духа». Трудно быть богом, и Румате остается утешаться лишь пошлым: «не ведают, что творят». Так сильный и гордый человек оказывается в неестественном и немислимом для землянина XXII века — «коммунара»! — состоянии ressentiment (одно из ключевых понятий ницшевской психологии). Это реактивное чувство возбуждает в человеке злобу и мстительность, а невозможность осуществления мести лишь усиливает его. «Восстание рабов в морали начинается с того, — писал Ницше, — что ressentiment сам становится творческим и порождает ценности: ressentiment таких существ, которые не способны к действительной реакции, реакции, выразившейся бы в поступках, и которые вознаграждают себя воображаемой мстью» («К генеалогии морали»). И вот о чем мечтает Румата во время обеда у короля: «Взять Рэбу за ухо, подумал он сладостно. Притащить его в застенки. Сказать палачам: „Вот ируканский шпион, переодетый нашим славным министром, король велел выпытать у него, где настоящий министр, делайте свое дело, и горе вам, если он умрет раньше чем через неделю...“ Он даже прикрылся рукой, чтобы никто не видел его лица. Что за страшная штука ненависть...»

«Это Эксперимент надо мной, а не над ними», — говорит измученный Румата в полузабытьи по-русски любимой девушке Кире. В конце концов гибель Киры срывает пути, Румата обнажает мечи, но уже не для привычной, «спортивной» демонстрации искусства владения этим оружием, а по прямому его назначению, и направляется туда, «где сердце спрута»...

Идея о «вечном возвращении того же самого» — одна из ключевых в философии Ницше; ее он называл «самой крайней формой нигилизма». В «Веселой науке» (фраг. 341) мысль эта подается в зловещей форме, как «Величайшая тяжесть»: «Что если бы днем или ночью подкрался к тебе в твое уединеннейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: „Эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз; и ничего в ней не будет нового, но каждая боль и каждое удовольствие, каждая мысль и каждый вздох и все несказанно малое и великое в твоей жизни должно будет наново вернуться к тебе, и все в том же порядке и той же последовательности, — также и этот паук и этот лунный свет между деревьями, также и это вот мгновение и я сам. Вечные песочные часы бытия переворачиваются все снова и снова — и ты вместе с ними, песчинка из песка!“ — Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего так демона?»

Мысль о вечном возвращении пришла в голову Ницше в начале августа 1881 года и привела его в состояние волнения и восхищения, а вместе с тем и страха. Даниэль Галеви, биограф Ницше, писал: «Несчастный, раненный жизнью человек с невыразимым ужасом смотрел в глаза „Вечному возврату“» («Жизнь Фридриха Ницше», 1911). Примерно в таком же духе выдержана и короткая повесть С. Ярославцева (псевдоним публиковавшегося «в одиночку» Аркадия Стругацкого) «Подробности жизни Никиты Воронцова».

Следователь городской прокуратуры Варахасий Щ. во время «холостяцкого междусобойчика» делится со своим другом, писателем Алексеем Т., некоторыми деталями уголовного дела — «умертвия» на проспекте Грановского пятидесятичетырехлетнего мужчины, произошедшего июньским вечером 1977 года. Это было не «неосторожное убийство» в результате уличного конфликта с великовозрастными оболтусами, как предполагалось в начале расследования, — смерть Никиты Воронцова наступила в результате внезапной остановки сердца за несколько секунд до того, как он упал и ударился головой о тротуар. Дневник же умершего, оказавшийся в руках Варахасия Щ., поставил следователя перед тайной, которой он решил поделиться с другом-писателем,

а заодно и обсудить с ним ситуацию и попытаться хоть как-то осмыслить и решить невероятную загадку.

Из рассуждений Варахасия Щ. следует, что Никита Воронцов прожил одну и ту же жизнь (с некоторыми вариациями) неисчислимо много раз, и выглядело это так: «Воронцов благополучно доживает до 8 июня семьдесят седьмого года. В 23 часа 15 минут московского времени некая сила останавливает его сердце, а сознание мгновенно переносит на сорок лет назад, в ночь на 7 января тридцать седьмого года, где оно внедряется в мозг Воронцова-подростка, причем внедряется со всем опытом, со всей информацией, накопленными за прожитые сорок лет. [...] Далее, Воронцов снова благополучно доживает до вечера 8 июня семьдесят седьмого года, и снова та же самая неведомая сила убивает его тело и переносит его сознание, обогащенное, кстати, опытом и информацией новых сорока лет... и так далее...» Версия впечатляющая, что и говорить!

Молодая любовница Никиты Валентина, дочь женщины, которая в прошлой жизни Воронцова была его женой, в беседе со следователем рассказала: «Недели за две до смерти он вдруг сказал мне ни с того ни с сего, ночью, я уже задремала... Громко и отчетливо сказал: „Скоро нам расставаться“, а я спросила сквозь дремоту: „Почему?“ И он ответил: „Потому что тебе дальше, а мне обратно, Нэко-тян...“» (Нэко-тян по-японски — «кошечка»; в прошлой жизни Воронцов называл так мать «нынешней» Валентины — Веру Самохину-Воронцову.)

Рассказанное следователем вызывает у читателя ряд вопросов:

- можно ли с уверенностью утверждать, что Никита Воронцов уникален? Может быть, среди нас, ныне живущих, есть и другие подобные ему «путешественники по времени», только они просто не заявляют о себе, помалкивают, как помалкивал и сам Никита, пока не завел дневник, оказавшийся в конце концов у Варахасия Щ. Заподозрить их в том, что они — «скитальцы по времени», можно, наверное, лишь заглянув им в глаза: они у них, как у Воронцова, со слов Веры Самохиной, страшные, мудрые и тоскливые;
- раз Воронцов возвращается по времени назад и проживает очередной свой цикл среди тех же людей — родственников, друзей, одноклассников, политических деятелей, учителей («Ай-яй-яй, Галина Родионовна!») — участников тех же самых исторических событий, — значит, и они тоже вернулись обратно, только не обремененными памятью о прожитых прежде жизнях (хотя опять же — как знать!);
- как полагает следователь, вечером 8 июня 1977 года «некая сила останавливает» сердце Н. Воронцова, «а сознание мгновенно переносит на сорок лет назад». «Мгновенно» и «на сорок лет назад» здесь не следует понимать буквально, так как неизвестно, сколько на самом деле времени — если здесь вообще имеет смысл говорить о времени — проходит между смертью и очередным возрождением Никиты Воронцова (а значит, и всех остальных участников исторической драмы, то есть всего нашего мира) миллиарды лет? Триллионы? С точки зрения вечности и это — сущий пустяк, миг, и такую версию можно увязать не только с ницшевской идеей вечного возвращения того же самого, но и с космологической моделью «пульсирующей Вселенной».

Но если речь идет о «параллельных мирах», тогда — другое дело. Тогда в одном из этих миров девятиклассник Никита Воронцов, завершивший в «нашем», недавно минувшем 2017 году очередной свой жизненный цикл, сегодня пребывает «там» в 1939 году и знает, что через два года начнется Отечественная война «и многие на ней голову сложат».

А в последней повести Аркадия Стругацкого «Дьявол среди людей» есть жутковатая сцена с благополучным концом, также написанная как бы в подтверждение наблюде-

ний Ницше, который заметил, что при слушании музыки человек испытывает на себе стихийную одержимость: «Ритм есть принуждение; он вызывает неодолимую тягу к податливости, соучастию; не только ноги, но и сама душа начинает идти в такт, — предполагалось, что и душа богов!» В музыке, продолжал философ, увидели «силу разряжать аффекты, очищать душу», смягчать ярость души. «Когда утрачивалась нормальная напряженность и гармония души, — читаем далее, — приходилось танцевать под такт певца — таков был рецепт этого врачевания. Им Терпандр утихомирил бунт, Эмпедокл унял бесноватого, Дамон очистил любово-страстного юношу...» («Веселая наука», фраг. 84).

Коротко: два врача Ташлинской горбольницы — патологоанатом Моисей Наумович и терапевт Алексей Андреевич, смертельно рискуя, решают все-таки нанести визит Киму Волошину (не то беглецу из ада, не то адскому слуге) с целью уговорить его уехать из города вместе с женой и дочерью и не творить больше ужасных дел, которых он натворил уже предостаточно (не по своей, впрочем, инициативе). Своим кредо, выведенным из кошмарного личного жизненного опыта, Ким как-то поделился с бывшим другом: «Любовь, доброта, великодушие — они жестоко наказываются, Лешка. Жестоко и неизбежно».

Разговор, происходивший в доме Волошина, получился тяжелым и нервным. Алексей пошел «вразнос»; лицо Кима наливалось сине-багровой кровью, что предшествовало обычно какому-то психознергетическому удару, смертельно опасному для оппонента. Алексей уже чувствовал приближение гибели. И вдруг...

«И вдруг Моисей Наумович сорвался с места.

— Одну минуточку, одну минуточку! — завопил он пронзительным фальцетом. — Ким Сергеевич! Алексей Андреевич! Ну, погорячились, и будет! [...] Давайте я вас развлеку немного.

Он сбросил свою шубенку, засунул большие пальцы костлявых рук под мышки и запел, приплясывая:

Авраам, Авраам, дедушек ты наш!
Ицок, Ицок, старушек ты наш!
Иаков, Иаков, отец ты наш!
Хаиме, Хаиме, пастушок ты наш!
Чому ж вы не просите, чому ж вы не просите,
Чому ж вы не просите пана Бога за нас?»

Ким Волошин, раскрыв рот и выпучив свой единственный глаз, «слушал и смотрел, как пляшет старик, высоко вскидывая ноги в поношенных брючках и старомодных суконных ботах». И Алексей ощутил, как смерть отдалилась и пропала. Атмосфера разрядилась. «И тогда Ким загоготал... Минут пять гоготал он... Отгоготавшись, он произнес:

— Силен. Тут ты меня сократил, Мойша, спасибо тебе. Сам догадался? Или интуиция? Ведь еще чуть-чуть...»

Ярость души Кима Волошина была смягчена, и на следующий день он с семьей покинул Ташлинск навсегда.

* * *

Говоря о сугубом эстетизме «аристократического радикализма» Ницше, Томас Манн в своей известной статье «Философия Ницше в свете нашего опыта» (1947) указывал, что знаменитый философ всю свою сознательную жизнь проклинал пресловутого

«теоретического человека», хотя сам являлся чистейшим образцом этого самого теоретического человека. «Его мышление, — писал Т. Манн, — есть мышление гения; предельно прагматичное, чуждое какому бы то ни было представлению об ответственности за внушаемые людям идеи, глубоко аполитичное, оно в действительности не стоит ни в каком отношении к жизни...» Ведь Ницше, продолжал Манн, «ни разу даже не дал себе труда подумать над тем, что получилось бы, если бы его проповеди были претворены в жизнь и стали политической реальностью!» Поэтому, подводил итог немецкий писатель, «Ницше, в сущности чуждый политике, не может нести моральной ответственности за фашизм...»

Еще раньше Андрей Белый иронизировал: «Приводить Ницше к идеологии столь же благодарное занятие, как отыскивать смысл великой идеологии Канта в заржавленном пере, которым были написаны последние страницы его „Критики“, или в нюхательном табаке, которым мог пользоваться старик» («Символизм и философия культуры»).

И сам Ницше признавал: «Легко говорить о всякого рода аморальных поступках, но найдутся ли силы вынести их? Например, я не смог бы перенести, если бы я нарушил слово и убил: не знаю, как долго бы я мучился, но в конце концов умер бы от этого. Такова была бы моя участь».

Обратимся теперь к Стругацким: возьмем уже упоминавшуюся выше книгу «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» — последнюю, написанную братьями вместе. Половина этого романа — рукопись «ОЗ» — представляет собой Третье литературное пришествие Христа (после Евангелий и «Легенды о Великом инквизиторе»). Новопришелец не имеет ничего общего с первыми двумя (поэтому люди его не узнают и пугаются) и называется то Кузнецом, то Гончаром, то Птахом, то Ильмариненом и т. п., но преимущественно — Демиургом. Он всемогущ, но всемогущ ограниченно: все, что создается им доброго, отягощено злом (точнее сказать, сопровождается злом — как правое левым, северный магнитный полюс — южным, аверс — реверсом и т. д.). Ему трудно, ибо он пребывает сразу во всех восьмидесяти с лишним измерениях нашего пространства, во всех четырнадцати параллельных мирах и во всех девяти извергателях судеб. Причем в этих иных реальностях здравствуют и действуют некоторые уже отжившие свой век в нашем мире персонажи (например, художник А. Шикльгубер); а иные даже прорываются в нашу реальность (как один молодой человек — тощий, жалкий, услужливый, исполнительный... и проклинаемый как предатель вот уже две тысячи лет).

Цель появления Демиурга в перестроечном Советском Союзе не совсем ясна со стороны: не то подготовка Страшного суда, не то избавление мира от зла... Майору КГБ Михаилу Смирнову во время импровизированного «допроса» Демиург показал, что ищет Человека с большой буквы. Но об этом позже.

Демиург экспериментирует, в чем ему содействуют не только достойный своего шефа Агасфер Лукич Прудков — в миру агент госстраха, но и вполне «посюсторонний» помощник — кандидат (без пяти минут доктор) физико-математических наук, астроном Сергей Корнеевич Манохин, автор рукописи «ОЗ». Кроме этих двоих, в квартире еще не заселенного дома, превращенной в «коммуналку», обитают и другие участники эксперимента, подобранные Демиургом по собственному произволу, — люди, мягко говоря, разные (в том числе и «перлы мироздания»), но имеющие свои мечты и планы улучшения нашего мира. Они принимают посетителей, пишут меморандумы, докладные, наставления, рекомендации, замечания и представления. Плюрализм — полнейший. Зачем Демиургу понадобился этот бюрократический теремок? Дело в том, что время, в котором живет астроном С. К. Манохин, — это еще «эпоха могущественных организаций», а Демиург, по его словам, «по старинке» все возится «с отдельными фигурами».

Среди них есть и Матвей Матвеевич Гершкович (он же — Мордехай Мордехаевич Гершензон), ходатай за обиженных. «Он теоретик, — сообщает автор рукописи „ОЗ“. — Он великий моралист-теоретик. В теории он беспощаден, жесток, непреклонен и мстителен безгранично. [...] Казалось бы, дай ему волю, и полмира насилья ляжет в дымящихся развалинах. Но не хватает целеустремленности... Мешает природная незлобивость, а также врожденная убежденность, что два взрослых человека всегда могут договориться между собой. Поэтому перехода от теории к практике не происходит у Матвея Матвеевича никогда. Если бы Матвею Матвеевичу хоть раз в жизни привелось бы воплотить в реальность хоть один из своих страшных лозунгов, я думаю, он перепугался бы до икоты, а может быть, и совсем бы умер от огорчения, что так нехорошо получилось». Почти как Ницше! А его критическое отношение к христианству? Матвей Матвеевич убежден: «Христианство исказило естественное течение человеческих отношений. Учение Христа о том, что надлежит любить врага своего и подставлять ему все новую и новую щеку, это учение поставило человечество на грань катастрофы». Да это — почти цитата из «Антихристианина»! И все же... Персонаж Стругацких — «моралист-теоретик», но его морализаторство в самом жестком своем виде не выходит за рамки талиона («око за око, зуб за зуб»), а фантазии насчет дымящихся развалин касаются все же мира насилья. У Ницше — иное.

Вряд ли можно сомневаться в том, что лично сам философ и не пережил бы гипотетическое убийство им другого человека. Но, как указывал С. Л. Франк, в «формуле» Ницше «человек есть нечто, что должно быть преодолено» содержится понимание того, что «истинно в человеке его высшее, «сверхчеловеческое» ... существо и что в этом смысле природно-человеческое начало действительно должно быть преодолено и просветлено». И вот эта «правильная по существу тенденция напомнить человеку об его высшем, аристократическом, „сверхчеловеческом“ происхождении и назначении, — продолжал Франк, — противостоит естественному оборачивается прославлением сверхчеловека как *животного высшей породы* или расы, причем мерилom высоты породы оказывается момент власти, жестокости, высокомерного аморализма; воплощением сверхчеловека становится не то ренессансный злодей Цезарь Борджиа, не то древний германец — „белокурая бестия“. Так в мире идей совершается роковое, страшное событие: преодоление профанного гуманизма оказывается провозглашением *бестиализма*» («С нами Бог. Три размышления», 1941).

И когда читаешь панегирик во славу «сверхчеловека», который «после всех своих варварских подвигов гордо и с легкой совестью, точно после студенческой проделки, возвращается домой, даже не вспоминая, как он резал, жег, пытал, насилывал», и осознаешь, что писал это не начальник «эйнзатцгруппы D» Отто Олендорф, а Фридрих Ницше, становится не по себе... Нельзя относиться к произведениям Ницше чрезмерно «облегченно»: либо как к изощренной софистике, либо как к афоризмам на манер Козьмы Пруткова. Думается, нет ничего удивительного в «антиницшеанском повороте», начавшемся, как отмечает М. Булл, в 90-е годы XX века, когда в сборнике «Почему мы не ницшеанцы», вышедшем во Франции под редакцией Люка Ферри и Алена Ренана, было выдвинуто требование: «Мы должны перестать *интерпретировать* Ницше и начать ловить его на слове».

Нечасто персонажи Стругацких вспоминают Ницше. Причем цитирует и высоко его оценивает, как мы уже видели, Г. А. Носов, светило и гордость педагогики XXI века (из другой, «параллельной» части романа — дневника Игоря Мытарина, его ученика: вполне откровенная аллюзия на булгаковского Иешуа Га-Ноцри и мытаря Левия Матвея при нем), а вот неважного мнения о немецком мыслителе и других «социальных дарвинистах» — адепт «философии неоптимизма» доктор Опир («Хищные вещи века»). Этот «прогрессивный философ» за обедом в ресторане делится своими взгля-

дами с бывшим космонавтом Иваном Жилиным: «Я оглядываюсь назад и с горечью вижу, как слепы они были — потрясатели душ и властители умов недалекого прошлого. Сознание их было омрачено непрерывным ужасом... И Ницше... Может быть, он годился для голодных рабов фараоновых времен со своей зловещей проповедью расы господ, со своими сверхчеловеками по ту сторону добра и зла... Кому сейчас нужно быть по ту сторону? Неплохо и по эту, как вы полагаете?» Как-то топорно... В тонком понимании Ницше сытый «неоптимизм» доктора Опира не заподозришь.

Так какого же Человека ищет Демиург в провинциальном Ташлинске, и зачем он ему? После визита одного из «докладчиков» со своими предложениями «Демиург про-изнес не оборачиваясь:

— Все они хирурги или костоправы. Нет из них ни одного терапевта».

Итак, человеческая цивилизация зашла в тупик. Значит, она развивалась по неправильному пути. Европейская культура «больна». Это остро чувствовал и об этом писал Ницше. М. О. Гершензону, к примеру, он был «не по душе»: «Ницше силен только в криках боли да в описаниях культурной болезни, изнуряющей человечество, — делился он мыслями с Вяч. Ивановым. — Он, сам больной, нашел возможность поставить прогноз болезни культуры, и на основании этого прогноза — законодательствовать грядущему» («Переписка из двух углов», 1920). В одном из своих эссе А. Кестлер выдвинул гипотезу, согласно которой в какой-то момент биологической эволюции «что-то пошло не так», в процесс вкралась «инженерная ошибка», приведшая к тому, что последующая история человечества стала «параноидальной»; досадная ошибка влечет человека к саморазрушению. Важнейший симптом болезни человека — разрыв между его разумом и эмоциями (В. В. Дудкин. «Достоевский—Ницше (Проблема человека)», 1994). Не в этом ли причина того, что Странники около сорока тысяч лет назад соорудили на одной планете в системе ЕН 9173 «саркофаг-инкубатор», в который были помещены тринадцать оплодотворенных яйцеклеток вида хомо сапиенс, пребывавших в латентном состоянии («Жук в муравейнике»)? Надо полагать, Странники заметили или предвидели «инженерную ошибку» и планировали использовать «подкидышей» для ее исправления в далеком будущем. Они не подумали, что этой же проблемой, уже «на месте», будет заниматься сам Демиург; а может, просто забыли... Однако мы отвлеклись.

Ницше не только объявил, что человек — это «болезнь земли»; он «отыскал» и неустанно обличал главного виновника болезни: «Нет ничего менее здорового во всей нашей нездоровой современности, чем христианское сострадание. Тут-то послужить врачом, неуступчивым, со скальпелем в руках, — наша обязанность, наш способ любить людей...» («Антихристианин», фраг. 7).

У Стругацких совсем не так: Демиургу нужен именно терапевт, а вовсе не хирург «со скальпелем в руках». И сострадание. «Братья мои, — подумал Румата. — Я ваш, мы плоть от плоти вашей! С огромной силой он вдруг почувствовал, что никакой он не бог, ограждающий в ладонях светлячков разума, а брат, помогающий брату, сын, спасающий отца». Правда, в конце концов Румата взялся даже не за скальпель, а за меч — но опять же из сострадания к братьям, мордуемым «костоправами» доня Рэбы.

Демиург увидел Человека с большой буквы и «терапевта» в Георгии Анатольевиче Носове, руководителе Ташлинского педагогического лицея. Но дело в том, что Носов живет уже в 2033 году, а Демиург со своими присными находится где-то году в 1989-м. И у Г. А. Носова к тому же своих проблем несть числа: он — выдающийся, заслуженный, известный на всю страну педагог, готовящий в своем лицее учительскую элиту, народный депутат — вступил в конфликт с обществом. Странное это общество: какой-то перезрелый социализм, где есть демократия и правящая компартия, «неформальные» молодежные объединения и комсомол, советская власть и наркомафия. Ему

бы пора уже превратиться в долгожданный коммунизм, но для этого чего-то не хватает — наверное, как обычно, «сознательности» граждан. Перестройка затянулась, а до XXII века с его Полуднем — еще далеко. И вот это общество оказалось некоторым образом подчинено ницшеанской «социологии»...

Изложив народу свое «учение о сверхчеловеке», Заратустра предупредил аудиторию и о том, что приближается время «последнего человека» — нежелательной, но возможной альтернативы сверхчеловеку. Последние люди убеждены, что они нашли свое счастье. В чем же оно? Все равны, нет «ни бедных, ни богатых: то и другое слишком хлопотно». Некому и управлять: «Нет пастуха, одно лишь стадо!» И тут Заратустру «первали крик и радость толпы. „Дай нам этого последнего человека, о Заратустра, — так восклицали они, — сделай нас похожими на этих последних людей! Тогда не нужен нам твой сверхчеловек!“»

В «Воле к власти» отмечается, что «стадо» противится возникновению как исключительно сильных, так и исключительно слабых: «Инстинкт стада *видит в середине и среднем* нечто высшее и наиболее ценное... ощущает *исключение*, стоящее как над ним, так и под ним, как нечто враждебное и вредное». «Стадо», таким образом, старается защитить себя и от тех, кто сверху, и от «вырождающихся (преступников и т. д.)».

...Вот почему «общественность» Ташлинска резко негативно и даже агрессивно настроилась как против Г. А. Носова и его лица («дворянского гнезда»), так и — особенно! — против так называемой Флоры — сообщества совершенно свободных, беззаботных и безработных, безалаберных молодых людей, обитающих где-то за городом и ведущих какой-то растительный образ жизни. Носов в городской газете пытается как-то объяснить феномен этих новых «хиппи» и успокоить общественность: «Флора — разновидность преступного мира? Вздор. Ничего общего, — убеждает он в своей статье. — Преступный мир паразитирует на нашей цивилизации, а Флора образует... свою собственную. Преступники вообще ближе к нам, чем Флора, — и по системе материальных ценностей, и по иерархии внешнего престижа. Дух цивилизации Флоры совершенно иной. Наши ценности для них — ноль. Их ценности для нас — за пределами нашего понимания, как кошачий язык». (Вот и пример радикальной «переоценки всех ценностей».) «Флора — это боль наша, наше страдание, — закликает сограждан Г. А. Носов. — Может быть, это болезнь. Может быть, это гноящаяся рана. Но тогда нужен врач, профессионал, носитель знания и милосердия». И здесь нужен врач! А что же сам Георгий Анатольевич?! Дело осложнено тем, что «нуси» — предводитель «флореров», их гуру — не кто иной, как сын Г. А. Носова. А врачи, как правило, избегают пользоваться родственниками. «Часто уже сын оказывается предателем своего отца: этот последний понимает себя самого лучше, с тех пор как у него есть сын» («Веселая наука», фраг. 9). Может быть, эта мысль Ницше «работает» в случае Носова и «нуси»?

Развязка двух историй, сведенных Стругацкими в одном романе, покрыта тайной, и нам приходится самим строить домыслы. Куда же девался Г. А. Носов? [1] Был убит толпой «флорофобов» и ненавистников «дворянского гнезда». Судя по тому, что Игорь Мытарин — автор дневника, который должен был лечь в основу его отчет-экзамена по теме «Учитель двадцать первого века», — в «Необходимых пояснениях» в самом начале романа дважды упоминает о «том страшном лете», для него самого и для других учеников Г. А. Носова конец истории 21 июля 2033 года был именно таким, трагическим. И хотя в «Необходимом заключении» тот же Игорь Мытарин рассказывает о появлении у костра утром 21 июля «чудаковатого и неуместного типа» (первая встреча «агента госстраха» с Носовым состоялась 17 июля, в лицее), Агасфер Лукич для него, по вполне «естественным» причинам, остался личностью совершенно неустановленной: толстеньким, лысоватым, «в дурацком костюмчике с дурацким разбухшим портфелем под мышкой». Мытарин пишет в дневнике: «Они поговорили о чем-то. Коротко

и невнятно». Запомнились Игорю лишь последние слова Носова: «Да перестаньте вы, в самом деле. Ну какой я вам терапевт? Я самый обыкновенный пациент...»

И в этом пункте происходит соединение двух сюжетных линий романа. Теперь уже в рукописи «ОЗ» (29) С. К. Манохин подхватывает тему: «А совсем уже к вечеру объявился Агасфер Лукич, и не один.

— Эссе хомо! — провозгласил он, обнимая гостя за плечи и легонько подталкивая его ко мне. [...]

— Прошу любить и жаловать, — произнес Агасфер Лукич весело. — Георгий Ана...» На этом рукопись «ОЗ» обрывается, и возникают вопросы, самый естественный из которых: как эта рукопись, которую Г. А. Носов передал И. Мытарину для облегчения его работы над отчет-экзаменом, оказалась у самого Носова? На этот вопрос нет вразумительного ответа, а предложенное самим Георгием Анатольевичем объяснение (рукопись была найдена при сносе старого здания гостиницы-общежития) нельзя считать убедительным и даже серьезным, если заранее исключить «петлю времени» и прочую заумь.

Сама собою напрашивается версия [2]: Г. А. Носов избежал расправы; он был перенесен Агасфером Лукичом в распоряжение Демиурга «в прошлое» и, возможно, изменил свою природу. Зачем в научной фантастике перемещаются из будущего в прошлое? Чтобы «скорректировать» настоящее! Ведь говорится же в «Необходимых пояснениях», что имя Г. А. Носова «словно бы взорвалось вдруг, сделавшись в одночасье едва ли не первым в списке носителей идей нашего века». Это значит, что Г. А. Носов оказался не забыт и что хотя его самого в это время (70-е годы XXI века) уже нет, есть его «имя» (при этом за «сорок лет» Учитель мог бы просто умереть и естественной смертью). Его повзрослевшие ученики с изумлением обнаруживают, что идеи их учителя спустя десятилетия оказались востребованными, они стали ведущими в педагогике и претворены в жизнь. Но самого Учителя в их настоящем давно уж нет, поскольку он был «унесен» в прошлое (то есть для них все равно что умер) и остался там как «генератор» этих идей.

А вот учитель Тенин будет применять педагогические методы Г. А. Носова в своей работе с обитателями 18-й комнаты Аньюдинской школы уже во второй декаде XXII века («Возвращение. Злоумышленники»). И если бы Г. А. Носов не оказался в распоряжении Демиурга, не перенесся бы из мутноватого 2033 года в смутный 1989-й, не было бы «Полудня», не было бы и того XXII века, к которому мы так привыкли! Кстати, «Эссе хомо!» Агасфера Лукича напоминает нам «Эссе homo» Фридриха Ницше и подталкивает к проведению некоторых неоднозначных аналогий... 20 июля 2033 года визит первого секретаря Ташлинского горкома партии к Г. А. Носову закончился безрезультатно: хотя встреча в лицее прошла вполне корректно, Первый отказался поддержать Носова, сославшись на волю всего города, позицию первичных парторганизаций, комсомола и другие веские причины. И когда Первый и его референт покидали лицей, провожавший их Мытарин не выдержал: он назвал визитеров предателями, наговорил им дерзостей. Когда же кто-то из «предателей» с искренним удивлением спросил Игоря: «Так ты что же — веришь во все эти его фантазии?», последовал честный ответ студента: «К сожалению, нет. Умишка у меня не хватает в это поверить. Но я одно знаю: пусть это фантазии, пусть это он даже ошибается, но его ошибка в сто раз грандиознее и выше, чем все ваши правильные решения. И в сто раз нужнее всем нам...»

Между прочим, в рукописи «ОЗ» С. К. Манохин допустил одну хронологическую неточность. Рассказывая о своих приятельских отношениях с водителем Гриней Быкиным, он утверждает, что сложились они с начала 60-х годов, «когда я был начальником, а он шофером экспедиции, занимавшейся в Туркестане поисками места для установки

Большого Телескопа». Из других записей известно, что С. Манохин родился в 40-е годы, и можно даже довольно точно установить, когда это произошло. Описывая свое рабочее место в Приемной Демиурга, он сообщает, что нашел в шкафу «табель ученика пятого „А“ класса 328-й школы Манохина Сергея с оценками за первую четверть 1958 года». Если это не его тезка и однофамилец, что вряд ли, то С. К. Манохин родился в 1947 году, поэтому в начале 60-х годов быть начальником экспедиции он никак не мог ввиду своего несовершеннолетия; скорее всего, было это уже в начале 70-х. Эта мелкая ошибка, описка несущественна и, разумеется, не может служить поводом для сомнений в достоверности рукописи «ОЗ» в целом.

* * *

«Кто умеет повелевать, кто должен повиноваться — *это испытывается там!* Ах, каким долгим исканием, удачей и неудачей, изучением и новыми попытками!

Человеческое общество: это попытка, так учу я, — долгое искание; но оно ищет повелевающего! — попытка, о братья мои! Но *не «договор!»* («Так говорил Заратустра»).

А теперь — «Град обреченный». Снова эксперимент над людьми. Разноязычных участников Эксперимента «выдергивают» из критических ситуаций их реальной жизни в разные времена XX века и вынуждают участвовать в ролевой игре — иной жизни. И хотя в повести подробнейшим образом описаны труд и быт мусорщиков и представителей других непрестижных профессий, хотя высказываются самые разные предположения о природе Наставников и о целях самого Эксперимента, все повествование пронизывает «философия власти», хотя, как считает Андрей Воронин, «лучше о бабах думать, чем об этой ерунде» Но это уже, скорее, позиция авторов повести...

Эксперимент есть Эксперимент, и цель его, как полагал Андрей Воронин, когда был еще мусорщиком, — «продолжать дело Сталина в совершенно других условиях, в необычных, в непредусмотренных никакой теорией». Оказалось же, что Эксперимент — это прежде всего отбор!

« — Нам ведь нужны не всякие люди. Нам нужны люди особого типа, — сказал Наставник следователю Воронину.

— Какого? — спросил Андрей.

— Вот этого-то мы и не знаем, — сказал Наставник с тихим сожалением. — Мы знаем только, какие люди нам не нужны». Оказалось, не нужны такие, как Иосиф Кацман... От самого же Андрея требуется вовсе не понимание, а нечто совсем иное.

« — Что?!

— Если бы знать...» («Ну и ответы», — подумал бы на месте следователя Воронина дон Румата!)

« — Но ведь все это во имя большинства? — спросил Андрей почти с отчаянием.

— Конечно, — сказал Наставник. — Во имя темного, забитого, ни в чем не виноватого, невежественного большинства...

— Которое надо поднять, — подхватил Андрей, — просветить, сделать хозяином земли! Да-да, это я понимаю. Ради этого можно на многое пойти...»

В общем, Наставник остался доволен Андреем: «Не ошибается только тот, кто ничего не делает, — сказал он. — Не ошибки опасны — опасна пассивность, ложная чистоплотность опасна, приверженность к ветхим заповедям! Куда могут вести ветхие заповеди? Только в ветхий мир».

Выходит, мусорщик Воронин был прав! Какой уж там «договор»? «Отбор», о котором тянул речь Наставник, есть не что иное, как «кадровая политика», а невнятные порой ответы на вопросы следователя Воронина объясняются тем, что Наставник вынужден лавировать между ницшеанством и большевизмом. Известно, что Ницше, с его

индивидуалистическим и радикально-аристократическим идеалом сверхчеловека, был страстным врагом демократов и социалистов. Это не помешало, однако, последним оказаться под его влиянием, и недаром Г. В. Плеханов называл В. И. Ленина и его сторонников ницшеанцами и сверхчеловеками. А в разговор следователя Воронина с Наставником можно было бы вставить в виде реплики едкое замечание Ницше в адрес социалистов: «Если хотят цели, то хотят и средств: если хотят рабов, то надо быть дураками, чтобы воспитывать их для господства» («Сумерки идолов»).

Уже став «господином советником» и возглавив операцию «Зигзаг», экспедицию по поиску Антигорода, рассуждая о «философии власти», Воронин убеждает сам себя: «Право на власть имеет тот, кто имеет власть. А еще точнее, если угодно, — право на власть имеет тот, кто эту власть осуществляет. Умеешь подчинять — имеешь право на власть. Не умеешь — извини!..»

В финале операции «Зигзаг» участвуют двое — Андрей Воронин и его приятель, «ненужный» Изя Кацман. Они спорят о значении элиты, или «творческого меньшинства», как у А. Тойнби. «История большинства имеет конец, — говорит „элитарист“ Изя, — а вот история меньшинства закончится только вместе со Вселенной». Эгалитарист Андрей считает, что «всякая элита — это гнусно».

«...— Ну, извини! — возразил Изя. — Вот если бы ты сказал: „всякая элита, владеющая судьбами и жизнями других людей, — это гнусно“, — вот тут бы я с тобой согласился. А элита в себе, элита для себя самой — кому она мешает? Она раздражает — до бешенства, до неистовства! — это другое дело, но ведь раздражать — это одна из ее функций... А полное равенство — это же болото, застой. Спасибо надо сказать матушке-природе, что такого быть не может — полного равенства...»

Ницше решительно выступал против всех форм равенства; иерархия была для него высшим законом самой жизни. В «Антихристианине» (фраг. 57) философ заявлял: «Неравенство прав — первое условие для того, чтобы существовали права... Право — значит преимущественное право, привилегия. У всякого свое бытие — и свои преимущественные права. Не будем недооценивать права *посредственностей*». Иерархия, по Ницше, должна пронизывать как антропологическую, так и социальную сферы: «Высокая культура, — писал он, — всегда строится как пирамида: основание широко, предпосылка целого — консолидированная, крепкая и здоровая посредственность. [...] Для посредственности быть посредственностью счастье. [...] Совершенно недостойно сколько-нибудь глубокого ума видеть в посредственности, как таковой, некий упрек. Посредственность сама по себе есть *первое* условие того, чтобы существовали исключения, — посредственностью обусловлена культура в ее высоком развитии».

Ну, а если посредственности — избыток? Президент Гейгер встревожен состоянием литературы и искусства: «В городе миллион человек. Больше тысячи числятся литераторами. И все бездари. [...] Писателей выдающихся нет... Художников — нет. Композиторов — нет...» Скульпторов, архитекторов и киношников — тоже нет. «Я слышал, — продолжает Гейгер, — что в каждом порядочном обществе все это есть. А раз у нас этого нет, значит, что-то не в порядке». Но, с другой стороны, зачем нужны лишние хлопоты? — сеет зерно сомнений Изя Кацман (это было еще до операции «Зигзаг»): «Ну, появятся у тебя талантливые писатели, ну, начнут они тебя костерить в своих гениальных произведениях... И пойдут у тебя самые неприятные неприятности. Сначала ты будешь их уговаривать, потом начнешь грозить, потом придется тебе их сажать...»

Но президент не сдается: «Да почему это они будут меня обязательно костерить? — возмутился Гейгер. — А может быть, наоборот, — воспевать?» Однако Кацман безжалостен: «Нет, — сказал Изя. — Воспевать они не станут... великие писатели... всегда брюзжат. Это их нормальное состояние, потому что они — это большая совесть общества, о которой само общество, может быть, даже и не подозревает». Последняя попытка

Гейгера спасти игру: «На то он и писатель, чтобы врачевать язвы...» — «Сроду писатели не врачевали никаких язв, — возразил Изя. — Больная совесть просто болит, и все...» И правда, какое там врачевание, если сам «Ницше выбрасывает из себя запекшиеся куски крови и желчи, раскрывает свою истерзанную душу», как писал С. Н. Булгаков («Размышления о национальности», 1910).

Вернемся, однако, к участниками экспедиции, Воронину и Кацману. Они спорят о храме культуры. «Все лучшее, что придумало человечество за сто тысяч лет, все главное, что оно поняло и до чего додумалось, идет на этот храм», — говорит Изя. Храм этот и напоминает ницшевскую «пирамиду», и отличается от нее. Он неотделим от «стада самоедных свиней» и «немыслим без него». А разве сами строители этого храма, — язвительно спрашивает Изя, — не свиньи? — «Господи, да еще какие свиньи иногда!..» Но для нас сейчас — не это главное, а те символические объекты, которые встречаются героям повести на их пути. Это прежде всего Хрустальный Дворец. Известно, что как «хрустальный дворец» представлял социалистическое общество Достоевский. Именно в Хрустальном Дворце Изя написал «Путеводитель по бредовому миру» и размножил его на диковинном копировальном автомате. Позднее Андрей размышлял: «Нормальный человек, как до Хрустального Дворца дойдет, так там на всю жизнь и останется... Как в Хрустальном Дворце, я никогда еще не жил и жить больше не буду... Ну хорошо — Изя... А если бы не было со мной Изи — ушел бы я отсюда или остался? Вопрос!..»

А потом Изя решает соорудить «малый храм»: над конвертом, в котором, как послание потомкам, запечатаны несколько экземпляров «Путеводителя по бредовому миру», друзья воздвигают пирамиду высотой метра полтора. Ее Изя в довершение дела полил ядовито-красной краской. Многозначительная символика!..

Вяч. Иванов писал М. О. Гершензону из своего «угла»: «Ницше... лишний раз засвидетельствовал, что путь освобождения личности есть путь ввысь и вглубь, движение по вертикали. Опять обелиск, опять пирамида!» У Стругацких же появляется новый замысел сверхчеловека — в духе идеи «вертикального прогресса», которую, судя по всему, развивал член Всемирного Совета Геннадий Комов, бывший когда-то одним из обитателей 18-й комнаты Аньюдинской школы.

В центре повести «Волны гасят ветер» — Тойво Глумов, инспектор КОМКОНа-2, сам бывший прогрессор, сын Майи Глумовой (помните трагедию Льва Абалкина?), женатый на Асе Стасовой. Под пристальным наблюдением начальника отдела ЧП, пожилого уже Максима Каммерера, Т. Глумов в течение нескольких лет искал на родной планете таинственных и неуловимых Странников, которые, по его глубокому убеждению, выполняют на Земле примерно ту же работу, что и прогрессоры-земляне на «отсталых» планетах Галактики.

Уверенность Тойво еще более окрепла после его ознакомления с Меморандумом доктора Айзека П. Бромберга о планируемой и управляемой эволюции разума по пути к Монокосму. Каждый новый индивид Монокосма, говорится в Меморандуме Бромберга, «возникает как произведение синкретического искусства: его творят и физиологи, и генетики, и инженеры, и психологи, эстетики, педагоги и философы Монокосма». (У Ницше была внешне схожая идея — в духе его, ставшего одиозным, плана выведения расы господ: новая «аристократия, в которой воле философов насилия и тиранов-художников будет дана закалка на тысячелетия», возьмет «судьбы Земли в свои руки, чтобы над самим созданием „человек“ поработать, как художник над произведением искусства». Но эта «песня» оказалась фальшивой: «Раса невежественных господ, невразумительно бормочущих что-то о воле к власти, в конце концов приписала ему „антисемитское безобразие“, которое Ницше всегда презирал», — как заметил А. Камю.) Бромберг так мотивировал вероятный интерес Странников к земной цивилизации:

«Мы движемся, а следовательно — мы можем ошибиться в выборе направления движения». В этом случае Странники вмешаются и подкорректируют наше движение, с тем чтобы можно было выделить и приобщить созревших для этого индивидов к Монокосму, то есть Космическому Разуму.

Одержимость Тойво Глумова в поисках и «разоблачении» агентов Странников на Земле становится сродни «синдрому Сикорски», видевшего в «подкидышах» лишь опасные для человечества «автоматы Странников». Даже любимая жена его Ася не может понять, почему это плохо, если Странники вмешиваются в жизнь землян:

«— Почему, когда ТЫ спрямлял историю других миров — это было хорошо, а когда некто берется спрямлять ТВОЮ историю... Ведь сегодня любой ребенок знает, что сверхразум — это обязательно добро!

— Сверхразум — это сверхдобро, — сказал Тойво.

— Ну? Тем более!

— Нет, — сказал Тойво. — Никаких «тем более». Что такое добро — мы знаем, да и то не очень твердо. А вот что такое сверхдобро... [...] Мы боимся, что они начнут творить здесь добро, как ОНИ его понимают! [...] Странники пришли без спроса, это раз. Они пришли тайно, это два. А раз так, то подразумевается, что они лучше нас знают, что нам надо, — это раз, и они заведомо уверены, что мы либо не поймем, либо не примем их целей, — это два. И я не знаю, как ты, а я не хочу этого». (Такая постановка проблемы — добро и сверхдобро — заинтересовала бы, наверное, самого Ницше.) Запомним эту позицию Тойво Глумова! Она — свидетельство того, как много значат для человека его суверенитет и свобода выбора.

На деле же оказалось, что представителей сверхцивилизации Странников на Земле нет (как и предполагал Максим Каммерер), зато есть «аборигены»-чужаки, окопавшиеся в Харькове, в так называемом Институте Чудаков — филиале Института метапсихических исследований. Они-то и занимались (тайно!), используя иногда аморальные и даже жестокие приемы, отбором «своих» — обладателей «третьей импульсной системы» — и доведением их до состояния метагома, или «людена». Одним из «акушеров» новой «расы» был давний приятель Каммерера — Даниил Логовенко.

Когда Каммереру посредством тонкой контрразведывательной операции удастся «разоблачить» деятельность зарождающейся в недрах процветающего и ничего не подозревающего человечества новой цивилизации метагомов (по сути, сверхлюдей), происходит Большое Откровение — встреча и разговор начистоту («собеседование») членов Всемирного Совета Л. А. Горбовского и Г. Ю. Комова с замдиректора Института Чудаков Д. А. Логовенко, состоявшаяся 14 мая 2199 года в «Доме Леонида» (Краслава, Латвия). Вот краткое содержание Большого Откровения:

- людены — не люди, хотя и «рождены людьми и от людей». Людены — не результат биологической революции, они появились потому, что человечество достигло определенного уровня социотехнологической организации (Логовенко);
- третья импульсная система, активизация которой ведет к превращению человека в людена, обнаруживается с вероятностью не более одной стотысячной (Логовенко);
- отличие людена от обыкновенного человека огромно. Один из «уровней» людена — человеческий (когда отличие его от людей — только в сознании, что он не такой, как они). На других уровнях все другое — другое сознание, другая физиология, другой облик (Логовенко);
- человечество раскалывается на «высшую» и «низшую» расы — что может быть отвратительней? Отсюда — тайна (Логовенко);
- выход один: метагомы (людены) должны покинуть Землю (Комов);
- в подавляющем своем большинстве людены на Земле не живут. Все их интересы, вся их жизнь — вне Земли (Логовенко);

- самое страшное, что раскол проходит через семьи, через дружбы... Это трагедии (Логовенко, Горбовский);
- интересы метагомов и землян не пересекаются, сотрудничество между ними вряд ли возможно (Комов, Логовенко);
- если допустить, что Земле и человечеству будет угрожать опасность, людены придут на помощь не задумываясь и всей своей силой (Логовенко);
- это вертикальный прогресс в чистом виде, за который так ратовал Комов. Человечество, разлившееся по цветущей равнине под ясными небесами, рванулось вверх. Рванулось, но не всей толпой — человечество всегда уходило в будущее ростками лучших своих представителей (Горбовский);
- резюме пессимистическое: «И тех, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном...» (Комов);
- резюме оптимистическое: «И тех, кто меня обгоняет, провожаю приветственным гимном...» (Горбовский).

Хотя Откровение и было громко названо «большим», оно оказалось лишь частичным, так как в фонограмме «откровенного разговора» позднее обнаружили лакуны общей длительностью 58 с половиной минут — запись в этих местах была полностью уничтожена, сработала «цензура» метагомов: «простым смертным» кое-какие вещи знать пока (а может быть, и вообще) не следует.

Когда же выяснилось, что и у самого Тойво Глумова имеется «третья импульсная» (о чем ему сказал сам Каммерер уже после Большого Откровения), началась борьба человека с потенциальным людемом. В разговоре с Каммерером, который делает отчаянную попытку «завербовать» Глумова, пока тот еще не стал метагомом, Тойво уверяет шефа, что даже не собирается менять свою человеческую сущность: «Я человек, — говорит он Максиму, — и я не хочу быть никем другим. Я не хочу смотреть на Вас сверху вниз. Я не хочу, чтобы уважаемые и любимые мною люди казались мне детьми...» Но затем, после почти двухчасовой беседы с Логовенко, настроение Глумова меняется, его убежденность поколеблена. В послании Каммереру Тойво сознается: «Враг рода человеческого нашептывает мне, что только полный идиот способен отказаться от шанса обрести сверхсознание и власть над Вселенной». Но ему страшно. Он абсолютно уверен: «Как только они превратят меня в людена, ничего... человеческого во мне не останется». А это равнозначно предательству тех, кого он любит: жены, матери, товарищей. Превращение в людена, заключает Глумов, «гораздо хуже смерти, потому что для тех, кто меня любит, я останусь живым, но неузнаваемо отвратным. Спесивым, самодовольным, самоуверенным типом. Вдобавок еще и вечным, наверное».

Многие герои Стругацких подчеркнута антиэлитарны: это, как мы уже видели, и Сергей Воронин во «Граде обреченном», и Виктор Банев в «Гадких лебедях» («ненавижу всяческую элиту»), это, наконец, и сам Тойво Глумов («я — человек непрестижный, как Вам хорошо известно, и не терплю элиты ни в каком обличье»). Но когда речь зашла об обретении власти над Вселенной, дрогнул даже стойкий Тойво. И стал 433-м людемом, обитающим и играющим на Земле и в Космосе. Да, людены способны быть людьми (как и Демиург в «Отягощенных злом»), но человеческий облик, или «уровень», для них «крайне утомителен»...

В виде компенсации или бонуса, что ли, Логовенко поведал Глумову, а тот передал Каммереру, что главная задача люденов в отношении своей «колыбели» — человечества — «стоять на страже», поскольку период стационарного развития цивилизации заканчивается и близится эпоха биосоциальных и психосоциальных потрясений (еще бы!) — этакое «малое откровение»... Значит, Тойво забыл о своей «человеческой позиции», о своих сомнениях относительно «сверхдобра», высказанных в споре с Асей! Да он и Асю-то забыл... Теперь людены — хранители, носители «чуда», тайны и...

Может быть, у земного человечества все же хватит сил устоять перед магией «триады» Великого инквизитора?

Итак, Тойво Глумов отрекся от всего «земного» и стал метагомом, сверхчеловеком. «Что делает отрекающийся?» — спрашивает Ницше в «Веселой науке» (фраг. 27). И отвечает: «Он стремится к более высокому миру, он хочет улететь дальше и выше, чем все положительные люди, — он *отбрасывает прочь многое*, что отягчило бы его полет, и, между прочим, многое, что ему дорого и мило: он жертвует этим своему стремлению ввысь». Почти о том же пишет с горечью Геннадию Комову его 98-летний школьный друг Атос: «Они уходят, мой Капитан. Они уходят несчастные и оставляя за собой несчастных. Человечность. Это серьезно. [...] И теперь, мой Капитан, когда они ушли и не вернутся больше, мы все теперь вздохнули с облегчением. Или с сожалением? Я не знаю. А ты?»

А что бы сделали мы, если бы все это было с нами и взаправду?